[7] Гл.: Марченко И. Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 48.
[8] Гл.: Лыч Л. М. Аднаўленне і развіццё чыгуначнага транспарту БССР (верасень 1943–1970 гг.). Мінск, 1976. С. 27.
[9] Гл.: НАРБ. Ф. 1117. Воп. 1. Спр. 14. С. 22.
[10] Гл.: Купрэева Г. П. Дапамога савецкага ўрада і працоўных брацкіх рэспублік у аднаўленні народнай гаспадаркі Беларусі (верасень 1943–1945 г.) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1972. № 2. С. 13–21.
[11] Гл.: Железная дорога Беларуси... С. 246.
[12] Гл.: НАРБ. Ф. 1117. Воп. 1. Спр. 14. С. 57.
[13] Там жа. Спр. 14. С. 82.
[14] Там жа. Спр. 15. С. 19.
[15] Гл.: НАРБ. Ф. 4п. Воп. 29. Спр. 1251. С. 118–119.
[16] Гл.: НАРБ. Ф. 1117. Воп. 1. Спр. 13. С. 7.
[17] Гл.: НАРБ. Ф. 4. Воп. 61. Спр. 89. С. 13–16.
[18] Гл.: НАРБ. Ф. 4п. Воп. 61. Спр. 109. С. 19–22, 62.
[19] Гл.: Народное хозяйство БССР... С. 263–264.
[20] Там жа. С. 267.
[21] Гл.: НАРБ. Ф. 30. Воп. 5. Спр. 52. С. 4.
[22] Там жа. С. 9.
[23] Гл.: НАРБ. Ф. 873. Воп. 1. Спр. 1. С. 82, 91, 93, 116.
[24] Гл.: НАРБ. Ф. 30. Воп. 5. Спр. 52. С. 4.
[25] Там жа. С. 9–18.
[26] Гл.: Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения. Минск, 1988. С. 111.
[27] Гл.: НАРБ. Ф. 30. Воп. 5. Спр. 56. С. 14–15.
[28] Гл.: Экономика Белоруссии... С. 111.
[29] Там жа. С. 115.
[30] Гл.: Народное хозяйство БССР… С. 269.
[31] Гл.: Марченко И. Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 50.
[32] Гл.: Народное хозяйство БССР... С. 272.
[33] Гл.: НАРБ. Ф. 4п. Воп. 61. Спр. 143. С. 57–58.
[34] Там жа. С. 8–13.
[35] Гл.: Экономика Белоруссии... С. 122.
[36] Гл.: Народное хозяйство БССР… С. 268.
[37] Гл.: НАРБ. Ф. 1005. Воп. 3. Спр. 2а. С. 14.
[38] Гл.: НАРБ. Ф. 4. Воп. 61. Спр. 89. С. 30–31.
[39] Гл.: НАРБ. Ф. 1005. Воп. 3. Спр. 3. С. 7–8.
[40] Гл.: НАРБ. Ф. 1005. Воп.1. Спр. 1. С. 70.
[41] Гл.: Народное хозяйство БССР... С. 263.

Паступіў у рэдакцыю 20.03.12.

Юлія Віктараўна Кірчук – аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу. Навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу У. Ф. Ладысеў.

С. Н. ТЕМУШЕВ

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
(как этапе в развитии государственного фиска)

Дается обзор существующих в исторической науке версий о причинах политической раздробленности Древнерусского государства. Особое внимание уделяется критике утвердившейся в советской историографии теории о феодальном характере раздробленности. В качестве важнейшей причины раздробленности предлагается рассматривать эволюцию государственного фиска, что выразилось в утрате Киевом контроля над сбором и распределением доходов со всей территории Древней Руси и перераспределении налогов-дани между центрами отдельных княжеств-земель.

The article provides an overview of the existing views on the causes of political fragmentation of the Kievan Rus'. Author devotes specific attention to the critique of the Soviet historiography's thesis of the feudal nature of the fragmentation of the Kievan Rus'. He regards evolution of the public fiscus as a major cause of the political fragmentation had resulted in the loss of Kievan control over the collection and distribution of income from the entire territory of Kievan Rus' and the redistribution of tribute between the centers of separate principalities.

К числу проблем древнерусской истории, которые требуют переосмысления на современном уровне развития исторической науки, относится определение причин политической раздробленности. Наряду с этим нет устоявшегося мнения о времени начала раздробленности и ее характере (даже в новейших учебных пособиях применительно к древнерусским реалиям XII в. присутствует термин «феодальная раздробленность»). Оценивая историографическую ситуацию, связанную с изучением проблематики причин раздробленности, современный украинский исследователь А. П. Толочко в своей монографии 1992 г. писал: «Как это ни выглядит парадоксальным, во всей обширной литературе, посвященной XII–XIII вв., при самом внимательном чтении мы не найдем работы или хотя бы мнения о том, какие же именно экономические процессы обусловили наступление раздробленности и какие из них определили ее столь очевидное своеобразие»[1]. Нельзя утверждать,

что сам А. П. Толочко предложил исчерпывающее решение обозначенной проблемы, как не стала чем-то новым и оригинальным недавно высказанная Н. Ф. Котляром точка зрения о торжестве раздробленности в связи с отстаиванием князьями (прежде всего, изгоями) отчинного принципа наследования[2]. Между тем решение проблемы причин политической раздробленности (термин «удельная раздробленность» также представляется некорректным) необходимо отнести к числу приоритетных в исследовании Средневековой Руси. В политической раздробленности нашли отражение важные социально-экономические сдвиги, произошедшие в древнерусском обществе, в то же время сама раздробленность имела далеко идущие последствия, отразившиеся на государственно-политическом и этническом облике восточного славянства.

Рассматриваемая проблема имеет обширную историографию, причем принципиально различные решения предлагались на разных этапах развития исторической науки. Так, если в историографии XIX – начала XX в. акцент делался на политико-правовой сфере, то в советский период большее внимание уделялось социально-экономическим факторам вызревания нового явления в политической сфере. Своеобразным итогом осмысления причин и характера политической раздробленности Древнерусского государства в дореволюционной историографии стала концепция В. О. Ключевского. По мнению ученого, «политическое раздробление» было двояким: династическим и земским. «По мере размножения князей отдельные линии княжеского рода все далее расходились друг с другом, отчуждались одна от другой». Ярославичи (потомки Ярослава Мудрого) разделились на враждующие ветви: вначале Мономашичей и Святославичей, затем произошло разделение и их. Каждая ветвь «все плотнее усаживалась на постоянное владение в известной области». Так, одновременно с разделением княжеского рода на отдельные династии – «местные линии» и Русская земля распалась на обособленные области-земли[3]. Отметим, что В. О. Ключевский обнаруживал зависимость «областей» от Киева главным образом в выплате ими дани великому князю киевскому, после же смерти Ярослава Мудрого эта зависимость незаметна[4].

Представление В. О. Ключевского о механизме вызревания политической раздробленности дополнялось мнением о нарушении законного порядка замещения столов по принципу родового старшинства в связи со сложностью определения генеалогического старшинства, нежеланием некоторых князей признавать чье-либо старейшинство вообще, а также отстаиванием князьями-изгоями (и не только) отчинного владения волостями[5]. В последнее время это мнение попытался реанимировать Н. Ф. Котляр, предложивший считать одной из важнейших причин наступления «удельной (феодальной) раздробленности… отстаивание отчинного принципа унаследования земли и движимого имущества»[6]. Между тем в более ранней своей работе украинский ученый утверждал, что такое объяснение «не может бросить свет на все разнообразие, сложность и неоднозначность социально-политической жизни Древнерусского государства»[7].

Господство марксистской концепции исторического развития в советский период с необходимостью потребовало более пристального внимания к социально-экономическим процессам. Был сделан вывод, что раздробленность долгое время вызревала в недрах древнерусского общества, прежде всего вследствие неуклонного развития производительных сил и производственных отношений, что приводило к подъему экономики отдельных земель и росту городов. Считается, что впервые связал наступление раздробленности с развитием феодальных отношений Б. Д. Греков. Но только в 1960–1970-е гг. в трудах советских историков В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова эта гипотеза получила более глубокое обоснование. Так, было признано, что в результате эволюции феодального способа производства распространилось крупное и среднее землевладение, возросло могущество прослойки землевладельцев-бояр. Эти феодалы оказывали давление на местных князей, чтобы в своих интересах решать вопросы внутренней и внешней политики; к тому же бояре стремились к ограничению «круговорота» князей – перемещения их по лестничному принципу на другие престолы. Поэтому князья стали оседать в тех или иных землях. По мнению Б. А. Рыбакова, боярство каждого отдельного княжества даже отбирало себе «наиболее подходящего князя»[8].

Наконец, довольно распространенной в историографии является точка зрения об изначальной слабости политических, генеалогических и иных связей отдельных регионов Древней Руси, сложившихся еще в догосударственную эпоху (летописные «племена») и превратившихся затем (с теми же границами) в обособленные княжества-земли. Так, М. П. Погодин считал, что «племена славянские со своими городами и волостями разграничивались между собой еще до прибытия к ним князей варяго-русских» и позднейшие княжества «получили уже границы, так сказать, готовые»[9]. Подобный взгляд закрепился в украинской историографии: и Н. И. Костомаров, и М. С. Грушевский видели в Древней Руси некую федерацию княжеств. Некоторые исследователи пришли к полному отрицанию существования Древнерусского государства, значит, и «рассыпаться было нечему».

Важнейший вывод, следующий из сложившейся историографической традиции изучения рассматриваемой проблемы, сводится к пониманию политической раздробленности как сложного

явления, включающего существенные изменения в политической, социальной и экономической сферах. В свое время А. Е. Пресняков политическую сторону раздробленности видел в усилении обособленности отдельных земель-княжений, социальную – в «развитии землевладельческого боярства», экономическую – в изменении направления торговых путей и колонизационных процессах[10]. В трудах историков советского периода эти положения получили дальнейшее развитие, несмотря на то, что главная роль была отведена процессу феодализации.

Представляется необходимым среди выделяемых исследователями сторон раздробленности важнейшее место отвести эволюции налогово-даннической, или фискальной, системы. Именно борьба за распределение получаемых от непосредственного производителя в результате прямых сборов, судебных штрафов, мытных пошлин и т. д. материальных ресурсов и стала основной причиной политической раздробленности. Вследствие административных реформ Владимира Святославича и Ярослава Владимировича на местах (безусловно, в качестве посадников)[11] оказываются представители княжеской семьи – сыновья киевского князя. Эти мероприятия имели целью укрепление единства страны, однако привели в итоге к обратному.

Принципиальным представляется выяснение вопроса о критериях выделения нового этапа в политической истории восточных славян, который обозначается термином «раздробленность». Традиционно период раздробленности принято начинать либо со смерти Ярослава Мудрого (1054 г.), либо после периода правления Мстислава Великого (1125–1132 гг.). Что же служит для этого основанием? Наиболее очевидное явление, которое прежде всего обращает на себя внимание, – это разделение государственной территории, ранее подвластной одному лицу (персонифицированное государство), на несколько территорий, подвластных уже и иным представителям княжеского рода. Но как соотносилась власть правителя, остающегося номинально верховным, с полномочиями правителей отдельных земель? Именно значительная власть киевских князей Владимира Мономаха и сына последнего Мстислава Великого не позволяла исследователям говорить о раздробленности в период их правления (хотя «это политическое положение длилось очень недолго»[12]). Отметим, что номинально верховная власть Киева сохранялась и в последующее время вплоть до монгольского нашествия, что приводило к интересному обстоятельству, обнаруженному исследователями западноевропейских свидетельств о Руси: основная масса западных памятников XI–XIII вв. воспринимает древнерусские земли как единое государство – королевство во главе с великим князем – королем, хотя уже с середины XII в. отмечается существование местных самостоятельных княжеств[13]. Другой важный критерий, характеризующий политическую раздробленность, сформулирован А. П. Толочко: это утрата киевским князем с 30-х гг. XII в. преимущественного права распределять между остальными князьями земельные владения на всей территории государства, с указанного времени князья отдельных земель начинают претендовать на собственное наделение «вассалов» в пределах подвластных им земель[14]. Представляется, что данный вывод требует уточнения. Речь идет не о наделении «вассалов» земельными владениями, а именно о перераспределении налогов-дани, собираемой с определенной территории, точнее, определенных категорий населения на данной территории.

Л. В. Милов указывал на то, что дробление территории государства способствовало возрастанию ренты и облегчению ее взимания[15]. Однако сама причина раздробления государства видится в ином. Оказавшиеся на местах князья должны были обзавестись своей собственной администрацией и дружиной, требовавшими соответствующего материального обеспечения. При этом проявившаяся вражда между князьями-братьями (и даже между отцом и сыновьями) потребовала усиления военной организации, что вынуждало искать дополнительные источники средств. В таких условиях традиционные выплаты Киеву большей части собранных с местного населения ресурсов (две трети общих сборов согласно статье 1014 г. «Повести временных лет») становились обременительными. Возможно, недостаток средств сделался еще более ощутимым в связи с отмечаемым в начале XII в. кризисом, вызванным перемещением торговых путей[16]. Князь стремится к полному контролю над сбором налогов-дани на территории своего княжества и в той связи, что ему нужно обеспечивать церковную организацию. Именно к этому времени во всех княжествах-землях создаются (если их еще не было) свои епископства. Весьма показательна в этом отношении Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича Смоленского, изданная по случаю основания в 1136 г. Смоленской епархии[17].

Упомянутый уникальный источник, кроме общего вывода о возможности полного и неограниченного распоряжения смоленским князем доходами со своей земли применительно ко времени составления грамоты (ранее принятая датировка 1150 г.[18] отвергнута), дает ценное указание и на прекращение выплаты Киеву дани с других земель. Так, в грамоте Ростислава Мстиславича читаем: «Суждали залесская дань, аже воротить Гюрги, а что будеть в ней, ис того святей Богородици десятина»[19]. Речь здесь идет о дани с Ростово-Суздальской земли в пользу киевского князя, которую перестал выплачивать Юрий Долгорукий. Прежде по соглашению киевского князя Ярополка Владимировича со смоленским князем Ростиславом Мстиславичем она шла в Смоленск[20].

На протяжении периода середины X – второй половины XI в., подготовившего переход к последующему раздроблению Русской земли на ряд обособленных и, более того, независимых княжеств-земель, происходит принципиально важное разделение административных функций между Киевом и отдельными центрами княжеств-земель. Симптоматичным является уже отказ Ярослава Владимировича перед смертью отца – киевского князя – в 1014 г. отдавать Киеву установленную часть общих сборов со своей земли[21]. Вместе с тем происходило и разделение дани с подчиненных Древнерусскому государству периферийных финно-угорских и балтских племен между отдельными княжествами-землями[22]. По всей видимости, в это время центр сбора налогов-дани перемещается в города, которые только сейчас превращаются в реальные центры администрации и суда. Предполагается, что погосты, важнейшая функция которых с момента их создания заключалась в организации сбора дани на местах, исчезают к концу X в.: «…города пересиливают погосты, сосредоточивают в своих стенах все властные функции»[23]. Сбор дани концентрируется в руках князей отдельных земель, судебно-административные полномочия они передают своим должностным лицам – посадникам и тиунам. Между тем начинает формироваться и десятичная система, видимо изначально призванная решать две задачи – фискальную и военно-организационную[24].

Еще В. О. Ключевский обратил внимание на принципиальное изменение ситуации в связи с заменой посадников представителями княжеской семьи: «Областные или местные князья перестают платить дань Киеву, несовместную с отношениями младших родичей к названому отцу, великому князю киевскому»[25]. Если посадник по существу являлся чиновником, отражавшим интересы князя-правителя, и для него занятие должности не могло быть связано с реализацией собственных интересов, то иное дело князь, который считал себя полноправным правителем. Исследователи неоднократно указывали на безусловные владельческие права князей Рюриковичей, возникавшие уже в силу их рождения (что, возможно, было связано с языческими представлениями)[26]. Рассматривая период политической раздробленности, М. Б. Свердлов писал: «Где бы князь ни находился, в отчинном княжестве, захватывал или получал в управление другие княжеские столы и территории, только он мог осуществлять верховную административно-судебную и военную власть»[27]. Это обстоятельство, безусловно, сказалось не только на отношениях князя с местной знатью (представляется, что в принципе не могло быть никакого давления «местных феодалов» на князей), но и на стремлении выйти из подчинения старшему князю в Киеве (первоначально – отцу). Именно в период политической раздробленности, начало которого следует относить к 30–40-м гг. XII в., обнаруживается стремление к более четкому определению границ обособившихся княжеств[28], в летописях появляются свидетельства замены представления о «коллективной власти княжеского рода над Русской землей» идеей «**великого князя** как верховного сюзерена не “всей Руси”, но своей волости – Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской земли»[29].

Таким образом, стремление к перераспределению налогов-дани (изъятых посредством централизованной эксплуатации прибавочного продукта) и всех иных денежных и натуральных поступлений в пользу князей, обосновавшихся в отдельных княжествах-землях, и приводит к явлению, известному как «политическая раздробленность». Не представляется возможным видеть в качестве важнейшей причины раздробленности процесс феодализации: частное землевладение начинает играть существенную роль несколько позже того времени, когда в полной мере заявила о себе политическая децентрализация. В этой связи появление вотчин (как один из путей материального обеспечения князя и его семьи, а также и дружинной организации) следует рассматривать в качестве следствия, а не причины раздробленности.

Вопрос о существовании частной земельной собственности в домонгольской Руси решался в историографии неоднозначно. В любом случае до XII в. источники не дают прямых свидетельств о существовании этого важнейшего признака феодализма. Ведущий советский специалист по проблеме феодализма в Древней Руси Л. В. Черепнин вынужден был признать, что и для XII в. в источниках не так уж многочисленны указания на существование княжеских сел, но в то же время считал несомненным наличие тогда развитого княжеского домениального владения[30]. Вывод современного украинского исследователя Н. Ф. Котляра более категоричен: «…княжеская домениальная земельная собственность до середины XII в. почти не отражена в летописях»[31]. Таким образом, возникает вполне резонный вопрос: за счет чего содержал князь себя и свою дружину? Конечно, это могли быть земельные пожалования, но и наличие земельной собственности у представителей старшей дружины – бояр отмечается в более позднее время, чем принято датировать начало политической раздробленности. Тот же Н. Ф. Котляр писал: «Более или менее систематические сведения о существовании земельной собственности у боярства начинаются в летописях с 40-х гг. XII в. – того времени, когда уже дала себя знать феодальная раздробленность, а бояре решительно выступают на политическую сцену»[32]. Таким образом, распространение частного землевладения – княжеского или боярского – нельзя считать важнейшей причиной наступления раздробленности. Более того, само появление и рост охваченной феодальной эксплуатацией территории – следствие торжества политической децентрализации. Наделение представителей дружины селами (что также явно под-

разумевалось как возможность сбора налогов-дани с их жителей) являлось одним из путей решения проблемы материального обеспечения приближенных за определенные заслуги или за текущее выполнение конкретных государственных функций. Другой издавна существующий путь, особенно характерный для X–XI вв., – это раздача определенных территорий в кормление. Такие пожалования «сводились к предоставлению вассалу доходов с села, города или земли – при том, что сами эти села, города и земли оставались в княжеской (государственной) собственности»[33]. К приведенному определению понятия «кормление» необходимо добавить одну важную характеристику, а именно его ограниченность во времени. В целом же без учета этой характеристики и позднейшее частное землевладение будет чрезвычайно напоминать те же самые кормления.

Итак, в основе процесса раздробления Русской земли на ряд независимых княжеств-земель лежит стремление представителей правящей княжеской семьи, обосновавшихся в отдельных древнерусских городах, к перераспределению в свою пользу доходов, получение которых осуществлялось на территории, «тянущей» к этим городам. Причем эта территория (первоначальная «волость», превращающаяся в независимую «землю», согласно наблюдениям А. А. Горского)[34] не совпадала с областью расселения отдельных восточнославянских союзов племен. Новые границы как раз и формировались в связи с мероприятиями государства по эффективной организации изъятия прибавочного продукта у подвластного населения.

В целом данные выводы были сделаны исходя из принципиально нового взгляда на природу ранней государственности, важнейший признак которой – наличие развитой системы изъятия прибавочного продукта. Государство – это распространение верховной властью права сбора дани и осуществления суда на определенной территории. И именно та территория, на население которой распространяется право сбора дани, является государством в средневековый период.

[1] Т о л о ч к о А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 173.
[2] См.: К о т л я р Н. Ф. К вопросу о причинах удельной раздробленности на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1. С. 5–17.
[3] См.: К л ю ч е в с к и й В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. М., 1987. Ч. 1. С. 199.
[4] Там же. С. 200.
[5] См.: П р е с н я к о в А. Е. Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 461, 464.
[6] К о т л я р Н. Ф. Указ. соч. С. 5.
[7] К о т л я р Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 271.
[8] Р ы б а к о в Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 475.
[9] П о г о д и н М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4. Период удельный. 1054–1240. М., 1850. С. 329.
[10] См.: П р е с н я к о в А. Е. Указ. соч. С. 460.
[11] См.: П е т р у х и н В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 170.
[12] Г р е к о в Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 505.
[13] См.: Ш у ш а р и н В. П. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 451.
[14] См.: Т о л о ч к о А. П. Указ. соч. С. 182.
[15] См.: М и л о в Л. В. О специфике феодальной раздробленности на Руси (по поводу книги А. В. Кучкина «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.») // История СССР. 1986. № 2. С. 140–146.
[16] См.: Г р е к о в Б. Д. Указ. соч. С. 505.
[17] См.: Смоленские уставные грамоты // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 213–217.
[18] См.: Уставная грамота князя Ростислава (1150 г.) // Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 39–42.
[19] Смоленские уставные грамоты... С. 215.
[20] См.: К у ч к и н В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 75.
[21] См.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 58.
[22] См.: Т е м у ш е в С. Н. Литва и Русь: трансформация взаимоотношений от даннической зависимости к внешней экспансии (историография проблемы) // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: Науч. сб. Минск, 2010. Вып. 3. С. 49–72.
[23] П е т р у х и н В. Я. Указ. соч. С. 159.
[24] См.: К у ч к и н В. А. Десятские и сотские Древней Руси // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 270–425.
[25] К л ю ч е в с к и й В. О. Указ. соч. С. 200.
[26] См.: К о м а р о в и ч В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 8–29.
[27] С в е р д л о в М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 584.
[28] См.: К у ч к и н В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 75–76.
[29] П е т р у х и н В. Я. Указ. соч. С. 229.
[30] См.: Ч е р е п н и н Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Пути развития феодализма. М., 1972. С. 159.
[31] К о т л я р Н. Ф. Древнерусская государственность... С. 290.
[32] Там же. С. 295.
[33] Там же. С. 294.
[34] См.: Г о р с к и й А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 130–146; О н ж е. Земли и волости // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 9–32.

Поступила в редакцию 29.12.11.

Степан Николаевич Темушев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.